

Слёзы Турана -1: Именем султана!

Category: Kitarpsy, Taryhy proza

написано kitarpsy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -1: Именем султана! СЛЁЗЫ ТУРАНА

ИМЕНЕМ СУЛТАНА!

...Жеребцы, взрывая землю копытами, захрапели.

– Именем султана! – прожег темноту голос, и по железным воротам заплясало кнутовище.

В сторожке зашевелились.

– Скорее, шелудивые псы, вздерну! – распалялся голос в темноте.

Горбатый стражник, припадая на левую ногу, выхватил из-за пазухи ключ. Заскрипели подъемные механизмы и тяжелая, кованая решетка выпустила отряд из крепости.

– Далек ли путь? – успел спросить горбун у одного из всадников.

– Балх ждет нас!

Старик слушал, стирая с лица грязь, летевшую из-под копыт коней.

– А, будь вы прокляты вместе со своим султаном! Сломаете шею! Да благословит а

Аллах наш час! – прошипел горбун.

Заскрипели ржавые петли ворот, лязгнула, опускаясь, решетка. И снова над Мервом – теплая, ленивая тишина, нарушаемая предутренними криками ночных сторожей, звоном медных крышек в чайханах и караван-сараях; погонщики вели к водоёмам ослов, продавцы воды наполняли бурдюки. На дорогах пылили скрипучие арбы. Первые караваны потянулись в пустыню.

В Каракумах начинался день.

Неожиданно на улице поднялись клубы пыли: ко дворцу подходил отряд, в середине которого на гнедом бактрийском жеребце колыхался человек, связанный по рукам волосяным арканом.

– Да благословит аллах ваш путь и воздаст по справедливости каждому доброты! – встретил конников горбун. – Именем султана!.. – крикнул он еще раз, прикрываясь легким щитом.

– По тебе давно плачет кол у мечети! Очнись!.. С нами правая рука величайшего султана, – предупредил горбуна всадник, возглавлявший отряд.

Горбун засуетился, широко открывая ворота.

– Приходили имамы к султану? – осторожно спросил, проезжая мимо горбуна, визирь.

– Да не оскорбит ответ твои праведные уши! В этот день...

* * *

В широкой спальне, на окне, металось пламя светильника. В зале пахло миндалевой водой и остывшим дымом. На низкой позолоченной тахте, под легким верблюжьим одеялом лежал султан. На его мужественном лице, побитом оспой, была видна забота. Вставать было еще рано, но и спать Санджару не хотелось. Он откинул одеяло и поморщился.

– Эмиры грызутся, как голодные шакалы. И каждый старается урвать кусок пожирнее, побольше... Полумиллионная армия под рукой, но кто принесет ключи истины, кто научит сдерживать гнусное отродье, пытающееся перегрызть нам горло и занять место на троне? – Санджар глубоко вздохнул. Глаза сверкнули в полумраке. Беспокойная мысль заставила приподняться: «А как отряд, посланный в Балх?» (Балх – город в Северном Афганистане).

Вчера во дворец из Балха прискакали вестники атабека (Атабек – наставник) эмира Кумача. Они упали к ногам султана и поведали о том, что в Балхе огузы-скотоводы отказались платить подати, перебили сборщиков налога и ограбили караван султанских купцов.

Санджар, поправив бороду, удобнее положил голову на круглую подушку.

«Простой народ хочет жить, как знатные люди, и некому будет исполнять работы, составляющие удел простолюдинов, – натягивая на голову одеяло, подумал Санджар. – Оскорбление слабых

сильными – несправедливость. Тогда как оскорбление сильных слабыми – и несправедливость, и позор!»...

– Эй, кто там?

Из-за висевших ковров показались мамлюки. Упав на колени, они поцеловали ковер и застыли около ног султана.

– В дороге ли кипчаки?

– В тот же час, как только распоряжение коснулось ушей начальника личной стражи, кони воинов застучали по дороге в Балх. Воины спешат утолить жажду возмутителей... кровью этих же смутьянов!

Санджар снова подтянул одеяло к подбородку. Мысль о Балхе все больше отягощала голову. Неожиданно перед глазами всплыло лицо хитроумного атабека Кумача. Слегка вытянутое к ушам, оно расплылось в ехидной улыбке и спросило:

«Так где ж твоя сила, султан вселенной, которой ты похваляешься на каждом пиру? Балх стоит у Джейхуна, на шелковом пути, и если этот путь закроют огузы, то многие народы будут очень недовольны султаном с женским сердцем!..»

Санджар провел рукой по лицу, пытаясь отогнать видение, и долго смотрел на ножку тахты, на которой ловкая рука мастера изобразила голову барана с огромными глазами и стертыми зубами.

Кумач!.. Султан укрылся подушкой, но видение стояло перед глазами, упираясь руками в бока и громко смеясь, ехидно указывая пальцем на Санджара.

– Смотрите! – кричал Кумач. – Вот он... подобие трусливого шакала, мечтающий о громовой славе своих предков, убивший своих братьев! Грязный, подлый люд: пастухи овец и коров осколками глиняных кувшинов перерезали его трусливых воинов, которых славят на прелых коврах безголосые шахиры (Шахиры – певцы)!

Кровь прилила к голове Санджара. Откинув одеяло, он схватил кувшин с фруктовой водой, но напиток не остудил сердца.

– Эй! – хлопнул он в ладоши. – Писаря!.. Готовить новых гонцов! – Вскочив, он заметался по коврам. – Мы не держим ли Туран в руках! Мы ли не совершали походов в Индию и Персию! Ты, дядя Кумач, смеешься горьким смехом, потому что сам слаб и

немощен!.. Разве кони твоих воинов спотыкались от тяжелой добычи золота и драгоценных камней? Разве ваши гаремы украшают невольницы всего света? Будь ты проклят, недоносок! Тебе не придется смеяться, черноухая собака! Скорее исмаилиты осквернят мою бороду, чем я разрешу переступить владения Турана другому султану. Хитрость – главная пища твоего порочного ума и тела, Кумач, но мы еще скрестим мечи.

Писарь, простучав кожаными туфлями с медными гвоздями, осторожно уселся у двери. Подогнув под себя ноги, он поднял руки к небу, прося аллаха помочь перенести мысли султана на бумагу именно так, как хотелось бы этого величайшему.

Санджар распахнул на груди халат. Тяжело облокотившись о золоченую тахту, грозным и натужным голосом продиктовал:

– А еще повелеваем начальнику отряда: как наше войско прибудет в Балх, всех мятежников, а также семьи бунтарей уничтожить!..

Султан сел на тахту, поджал ноги с покрашенными хной пятками и умолк.

Писарь, исправно закончив свое дело, подал шелковистую бумагу повелителю. Санджар закоптил на пламени свечи перстень и прижал к фирману. Молча и проворно старик свернул бумагу трубочкой, перевязал шелковой нитью, и вот уже под окном раздался топот копыт. У ворот крепости гонец закричал:

– Именем султана!..

Санджар повернулся к страже и сказал тихо, крепко сжимая побелевшие губы:

– Приволокли сборщика налогов?

– Он связан и ждет высочайшего решения.

– Казнить. Перед всем народом! А вместо него назначить родственника Кумача – ловкого Каймаза. Пусть ата-бек, связанный клятвой и родством с Каймазом, еще зорче следит за огузами, которые живут и бунтуют на землях его эмиратства.

От канала веяло прохладой. Раннее солнце, напоминая золотой щит, медленно выползло из-за дальних туч, освещая величавую толстостенную крепость, высившуюся на горе, из которой мервские гончары когда-то выбирали глину для своих кувшинов, тарелок и другой утвари.

Писарь подал султану свежей воды из дворцового хауза, помог

одеться. Ничего не говоря, от террасы по крепостной стене Санджар направился к высокой глинобитной башне...

Внизу лежала широкая придворцовая площадь. Султан остановился у бойницы и два телохранителя, обнажив кривые ятаганы, застыли у входа.

«Сила власти – в страхе и повиновении, – рассуждал султан. – Смерть отнимает жизнь, заставляя забывать о вольнодумстве».

А жизнь шла своим чередом. На площади ревели длинные кожаные трубы, били в барабаны и оголтело шумели базарные толпы. Глашатаи, надрывая глотки, скликали народ:

– Именем султана!.. Слушайте и не говорите, что не слышали! Сейчас здесь, на этой площади, будут казнены бунтари, возмутители спокойствия! Слушайте, слушайте!..

За спиной Санджара раздался какой-то шум, послышались шаги, и грозный повелитель повернулся. На площадку поднимался визирь, а с ним начальник дворцовой стражи и два седобородых имама. Между ними шел человек, связанный тонкой волосяной веревкой. У края глинобитной площадки они опустились на колени и поцеловали землю.

– Да будет вечен и славен властитель Турана, султан султанов! Крупное лицо владыки, побитое оспой, нахмурилось.

– Велик и могуч Туран – краса и гордость сельджукидов! – сквозь стиснутые зубы процедил Санджар, блеснув черным огнем глаз, – А что сделали вы, чтобы ваш повелитель спокойно спал ночью? Разве я... мы мало платим вам? Не жалуем своим вниманием? – голос султана крепчал.

И вдруг его перебили удары барабана. На широкую, мощеную белым камнем возвышенность выводили шестерых, приговоренных к казни. Серые, помятые лица, изодранная одежда и отросшие волосы несчастных говорили о том, что они успели познакомиться с дворцовым зинданом.

Высокий, костлявый палач с толстой дергающейся губой бережно стер шерстяной тряпочкой с длинного меча баранье сало и, разминая плечи, прошелся около плахи из столетнего гуджума. Остановился, примерился и легким движением огромных рук глубоко вогнал меч в красноватое дерево.

Санджар, опершись о выступ бойницы, задумался. Черные брови

сошлись у переносицы. В больших, глубоко посаженных глазах разгорался огонь мести. Он был страшен. И даже самые близкие к повелителю согнули спины в низком поклоне, не зная, на кого может обрушиться гнев повелителя.

Султан медленно повернулся к царедворцам.

– Знаете ли вы, за что сейчас отделят этим людям головы от туловища?

Придворные молчали.

– Огузы Балха отказались платить нам подати и кормить воинов, закрепленных за городом... Омар! – громко позвал султан.

Человек со связанными руками, согнувшийся крючком, оторвал голову от земли.

– Омар, нам известно, что ты присвоил половину податей и хотел еще собирать с огузов, Так?

Понимая, куда клонится разговор, другие чиновники стали разгибать спины и только один белый тюрбан все еще крепко прижимался к узорчатому ковру. Сборщик податей пополз к ногам султана.

– Взять! – кивнул Санджар страже, даже не взглянув на побелевшего подчиненного. Воины так заломили руки сборщика податей, что у того затрещали сухожилия.

– Обезглавить вместе с этими, – султан кивнул в сторону площади.

Для придворных гроза миновала. Плотным кольцом они окружили Санджара, облегченно зашептались.

А там – на придворцовой площади, звонкий голос извещал собравшихся:

– Именем султана!.. Сейчас на площади великого Мерва будут казнены те, кто возмутил покой нашего единственного и неповторимого... Именем Султана!.. И каждый, кто посмеет нарушить величайший покой солнца и щита нашего, каждого, кто нечестивыми поступками заставит волноваться опору священного престола, будет казнен так же, как этот недостойный житель Турана!

На широкой, боковой улице показалась вереница слонов. За ними, волоча толстое волосатое тело, измазанное в глине, перьях и коровьем навозе, стражники тащили по пыли Омара. У подмостей

палачи сдернули со сборщика податей шаровары и ловкой подножкой свалили его на землю. Слоны, перебирая толстыми култышками, остановились на площади, тихо трубя. Палачи раскачали тело, перехлестнутое веревками, и бросили под ноги африканских великанов. Погонщики вонзили острые жезлы в толстую кожу на черепах животных. Задрав бивни, слоны затрубили, В тот же миг над площадью пронесся хриплый голос глашатая:

– Вечно живи, наш мудрый и единственный султан султанов!

– Живи сто и один год, наш светлый луч, украшение вселенной! – подхватывал нестройный хор молодых писцов.

– Пошли тебе Аллах здоровье крепкое, как меч в твоих руках, наводящий страх на наших врагов! – доносилось с площади

Но не к ним прислушивался Санджар. Хотелось знать, что думают те, кто пополняет казну: кузнецы, горшечники, сундучники, пастухи... Вечером начальник стражи расскажет ему об этом люде. Лазутчики многое принесут с базаров, из чайхан и терьячных притонов...

Но как трудно выловить в чаше с водой растворившуюся крупинку соли, так же трудно было выбрать крупинки правды из блевотных сплетен доносчиков. Санджар поморщился, выхватил платок и махнул палачу.

Условный знак заметили. Длиннорукий палач, выхватил Омара из-под ног слонов и подтянул к плахе. Тычком в спину поставил на колени, всунул волосатые пальцы в ноздри и запрокинул ему голову к спине. Взглянув на небо, погладил Омару шею, ножом ударил по натянутым жилам...

Продолжение следует >> Taryhu proza